

Галина Ивановна Соснина родилась на Енисее, в селе Никулино Красноярского края. Закончила Томский пединститут. Долгое время жила в Якутии, преподавала английский язык, была директором школы. В 1984 году переехала в Амурскую область, работала директором школы в Свободном, затем, с 1989 года, в Углегорске. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза российских писателей. Сейчас живёт в Свободном.

Рассказ. Стихи

Демократия

Поезд прибыл в Хабаровск вовремя. Леонид довольно легко для своего возраста спрыгнул со ступенек вагона и пружинистым шагом направился к выходу в город. Тело соскучилось по движениям, утренняя свежесть бодрила и вселяла надежду на удачный день. А дел-то всего было — достать нужную справку. Вот ведь как теперь стало: на запрос — отказ, приезжайте, мол, сами. Хорошо, если повезёт получить её сегодня, а то и заночевать негде будет.

Подходя к трамвайной остановке, Леонид увидел стоявшего там мужчину и глазам своим не поверил:

— Витька, ты, что ли? — воскликнул он.

Мужчина обернулся к нему и заулыбался:

— Привет, Лёня! Вот так встреча! Целую вечность не виделись!

Друзья крепко обнялись, смеясь, хлопали друг друга по плечам, радовались встрече, как дети. Наконец Виктор снова обрёл солидный вид и спросил:

— А ты-то как здесь оказался? Помнится, в Амурской области живёшь.

— Хорошая у тебя память. По делам приехал. Рассказывай о себе. Чего-то осунулся, поседел малость, но подтянут, как всегда, животик не отрастил, молодец! — Леонид ловко крутанул друга за руку, радуясь неожиданной встрече.

Виктор тоже одобрительно оглядел друга: строен, подтянут, хоть и седой. Заговорил невесело:

— А я, можно сказать, прописался в Хабаровске. Всё работу здесь ищу.

Покачал головой удручённо, улыбнулся:

— Помнишь, как вместе работали в нашей школе?

— А как же. Всё живо в памяти, хотя столько лет прошло. А ты так там, на селе, и живёшь?

— А куда же деться. Квартирой в городе не обзавелись. Учитель на селе, сам знаешь, по-прежнему как будто под увеличительным стеклом. Сельская школа во все глаза смотрит на учителя: как одет, что покупает, о чём разговоры ведёт...

Леонид сам всю жизнь проучительствовал, уже вот до пенсии доработал. Когда-то они с Виктором вместе увлеклись спортом, в институте выбрали специализацией лёгкую атлетику, ездили на лошадях верхом, отлично стреляли. Потом в одной школе работали несколько лет. Виктор был заботливым семьянином, отцом двоих сыновей. Теперь, наверное, и внуки есть... Только вот...

— Я что-то не понял, — поднял брови Леонид. — Почему ты работу ищешь?

Трамвай прервал их разговор, гостеприимно распахнув перед друзьями двери. Они вошли, уселись. Леонид вопросительно посмотрел на Виктора. Тот вдруг заволновался, нервно поправил галстук и заговорил:

— Я не знаю, Лёня, как у вас в городе, а у нас слишком разгулялась демократия. Много прав дали старшеклассникам. Не обидно было бы пострадать по существенной причине, а тут...

Он опять поправил галстук и, стараясь говорить потише, огорошил Леонида:

— Меня уволили из школы из-за мобильного телефона.

— Как так?

— Представляешь, сидит наглая девица-десятиклассница на уроке, играет телефоном. Попросил убрать — не слышит. Телефон звонит. Я повторил просьбу — не обращает внимания. Телефон опять звонит. Пришлось мне предупредить её: «Не уберёшь сама — я заберу». Она продолжает играть. Ну, я подхожу к ней, забираю эту злосчастную игрушечку и выбрасываю в окно. Это я, конечно, зря сделал, но марку учителя держать-то надо было... Что тут началось! И папа, и мама — оба «крутые» — тут же явились на джипе к директору.

Виктор замолчал, чтобы справиться с волнением, заново переживая случившееся, потом грустно добавил:

— А до пенсии мне оставалось всего полгода.

Снова немного помолчал и уже бодрым голосом спросил:

— А ты как? Голос твой командный, левитановский, до сих пор в ушах звучит, все парни завидовали тебе в институте, да и в школе тоже. И методически ты был подкован классно. Как работается?

Участие друга тронуло струнки больного сердца. Леонид отвернулся к окну, скрывая повлажневшие вдруг глаза. Такое с ним теперь часто случается.

— Да ничего, работаем помаленьку, — ответил он. И, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил:

— Ну а как твои сыновья? Небось, уже не один раз дедом тебя сделали?

Они поговорили о детях, о внуках, а потом Леонид сказал:

— Ну, мне на следующей выходить... Я из дома позвоню тебе. Вот, черкани-ка свой номер...

Они торопливо обменялись номерами телефонов, пожали друг другу руки, и Леонид вышел из трамвая.

Ничего он не стал говорить старому другу... Не просто даются эти воспоминания, сколько здоровья ушло от перенесённого горя.

Ни один учитель физкультуры или тренер не застрахован от несчастного случая во время занятий. Ни один. Даже в большом спорте такое случается. И

в его школе, и в спортивной бывало, что ученики травмировали руки и ноги. Но разве хотел он, учитель, чтобы девочка сломала ногу, прыгая через «козла». Боже упаси. Он очень любит детей, и инструктаж провёл, как положено, и страховал сам. Но почему-то занесло её в сторону. Никогда не забыть Леониду допросы, протоколы, судебные заседания, которые обрушились на него по заявлению родителей. Покая он лишился навсегда. Более года все ночи напролёт смотрел в потолок. На нервной почве произошёл срыв всего организма.

И самое страшное в этой истории даже не обвинение, а ложь, что он не страховал, что выходил из спортзала в момент прыжка ученицы. Перед глазами Леонида мелькали лица детей из разных лет его педагогической деятельности, спортивных, настойчивых, уверенных в себе, и тех, которые нуждались в индивидуальном подходе — полненьких, маленького ростика, боязливых. Их он всегда жалел и помогал победить страх. Девчонки так и «висели» на любимом учителе с первого по седьмой класс, ссорились за право идти со стадиона рядышком с ним. Он мучительно «прокручивал» в голове тот урок снова и снова, страдая от этой детской выходки, и всё думал и думал.

Нет, он не злопамятный и давно простил девочку, не подумала, видно, или взрослые научили... Так заманчиво сорвать кругленькую сумму с учителя за моральный ущерб. Тоже, видно, плоды «демократии»... Ну да Бог им судья. Но билась в виске далёкая мысль: «Как жить будет она, эта девочка, с такой ложью?»

Для него же это — конец жизни. Любимая работа прервалась очень печально, и ничего уже нельзя изменить.

ПУХОПАДЫ ТОПОЛИНЫЕ

Дни июня длинно-длинные,
Развесёлая пора,
Пухопады тополиные
Начинаются с утра.
Пух тропинку сделал белою
И прилип к губам твоим,
Я не ведала, что делаю,
Миг — и рядышком стоим.
В волосах пороша снежная,
Васильковый милый взгляд
И твоя улыбка нежная,
Как и много лет назад.
К тополям из дальней юности
В мыслях птицею парю
И за то, что были вместе мы,
Белый пух благодарю.

***

Гляжу на сопки гордые с любовью,
Пытаюсь сердцем красоту понять.
Ты, край Амурский, стал моей судьбою,
Такое разве можно поменять?
Цветы нехитрой нежности встречаю,
Под снегом белым спрятались от глаз.
Подснежники не холод излучают,
А охраняют теплоту для нас.
Далёко где-то бродят злые грозы,
Раскалывая сопки на куски,
А у дороги белые берёзы,
Как в зеркало, глядятся в ручейки.
Стоят свечами сосны величаво,
Горят в закатном костровом огне.
Природа просыпается, как пава,
Всё нежится в своём весеннем сне.
Пишу о ней в десятый раз и в сотый,
Но нет пока таких удачных слов,
Какими воспевал её красоты
Поэт от Бога Пётр Комаров.

